

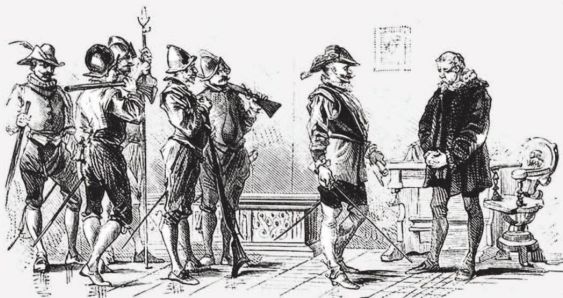
МУЧЕНИКИ
НАУКИ

СОСТАВИЛ

Гастон Тиссандье

Перевод с французского под редакцией

Ф. Павленкова

СПИСК

Гастон Тиссандье

Мученики науки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69144808

Мученики науки:
ISBN 5-7373-0926-2

Аннотация

...«Изо всех имен, которым посвящено общественное внимание, – говорит Жоффруа-Сент-Илер, – нет и, поистине, не может быть более славных, чем имена великих подвижников знания». Действительно, разве не имеют права на нашу признательность эти герои труда, эти ученые, эти исследователи, писатели, философы, завещавшие нам сокровища науки?

Сколько плодотворных поучительных указаний, сколько драгоценных примеров находим мы в истории их жизни, их борьбы с невзгодами, затраченных ими усилий!

Если мы желаем знать, как совершаются великие деяния, посмотрим, как работают эти люди, взглянем на их энергию и непреклонность, которую они обнаруживают...

Печатается по изданию 1880 г.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гастон Тиссандье

Мученики науки

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, редактирование, 2004

Гастон Тиссандье (1843–1899)

Глава первая (Вместо введения) Герои труда и мученики научного прогресса

*Великими людьми я называю только тех,
которые оказали великие услуги человечеству.*
Вольтер

*Науки и искусства в такой же степени, как и
подвиги героев, составляют славу народов.*
Лаканаль

С самого детства нам толкуют о завоевателях, которым народы обязаны всеми ужасами войны и в то же время ничего не говорят о скромных тружениках, обеспечивающих обществу возможность пользоваться материальными и духовными благами. Мы хорошо знаем, что Ксеркс сжег Афины, что Помпей и Цезарь пролили моря крови на полях Фарсала но нам почти ничего не известно о жизни Эвклида или Архимеда, открытия которых еще до сих пор встречаются так много полезных приложений в повседневной жизни.

Однако, своей цивилизацией мы обязаны не полководцам и завоевателям, а этим великим работникам всех стран и

всех времен. Они оставили нам в наследие вертоград, который возделывался ими в течении многих веков, – мы собираем плоды, семена которых впервые были брошены ими.

«Изо всех имен, которым посвящено общественное внимание, – говорит Жоффруа Сент-Илер, нет и, по истине, не может быть более славных, чем имена великих подвижников знания». Действительно, разве не имеют права на нашу признательность эти герои труда, эти ученые, эти исследователи, писатели, философы, завещавшие нам сокровища науки?

Сколько плодотворных поучительных указаний, сколько драгоценных примеров находим мы в истории их жизни, их борьбы с невзгодами, затраченных ими усилий!

Если мы желаем знать, как совершаются великие деяния, посмотрим, как работают эти люди, взглянем на их энергию и непреклонность, которую они обнаруживают.

Послушаем Ньютона, и он нам скажет, что он сделал свои открытия, «постоянно думая о них». Бюффон воскликнет: «гений – это терпение». Все повторяют то же самое. Труд и настойчивость – их девиз.

«Время и терпение превращают тутовый лист в шелк», гласит индийская поговорка. Ньютон пятнадцать раз пересоставлял свою «Хронологию», прежде чем нашел ее удовлетворительною. Микеланджело трудился постоянно, наскоро ел и иногда вставал по ночам, чтобы приниматься за работу. В течение сорока лет Бюффон ежедневно проводил за письменным столом пять часов утром и пять часов вечером.

Монтескьё, говоря об одном из своих произведений, сказал какому-то своему другу: «Вы прочтете эту книгу в несколько часов, но уверяю вас, что труд, которого она мне стоила, убелил мою голову сединами».

«Кто утверждает, что можно сделать что-нибудь без труда и заботы, – сказал Франклин, – тот развратитель».

Какова бы ни была цель, к достижению которой стремится человек, он не должен отдаваться всецело только работе ему еще нужно стараться одержать победу над трудностями, потому что препятствия всех родов заграждают ему путь. Что бы не предпринимал он, ему нужно выдержать борьбу за успех, за победу на арене жизненной битвы. А где борьба, там и опасность.

Если отважный путешественник устремится на завоевание новых стран и, переезжая через моря, через целые части света, станет расширять область географии, изучать фауну или флору отдаленных местностей, то перед ним восстанут бесчисленные опасности. На океане буря преградит ему путь, на суше люди и животные нападут на него, утомление и голод сделаются его спутниками. Он должен будет сражаться со всевозможными препятствиями.

Немало натуралистов, начиная с Плиния Старшего и кончая Виктором Жакмоном, пали жертвами желания вырвать у природы какую-нибудь новую истину. Смерть Плиния – это в некотором роде вечная история человека, подавляемого силою стихий. Великий наблюдатель, находясь в Мице-

не, видит оттуда, как на вершине Везувия появляется дым, выбрасываемый вулканом, приказавши снарядить суда, он садится и направляется к домам, расположенным почти у самой подошвы кратера, потому что ему хочется возможно ближе изучить величественное явление. Суда оказываются покрытыми дождем раскаленного пепла, температура которого повышается по мере того, как они приближаются к вулкану там и сям с шипением падают в волны камни, уstraшенный кормчий хочет повернуть корабль назад и бежать от этих опасных мест. Но Плиний отвечает знаменитой фразой: «Счастье помогает смелым». Натуралист сходит на берег и созерцает издали зловещие огни кратера. Ночь он проводит в одном доме, оставить который его принуждают в начале утра подземные удары и дождь раскаленных камней. Чтоб предохранить себя от действия этой вулканической бомбардировки, Плиний и его спутники, подвязывают к головам подушки посредством бинтов, сделанных из белья но потоки лавы уже устремляются со всех сторон и катятся к морю, наполняя воздух пламенем и удушливыми газами. Все бегут в смятении. Плиния, стоящего на берегу, охватывает облако сернистого пара, он чувствует, что задыхается и приказывает двум рабам поддерживать себя. Потом он падает бездыханный... «На следующий день его тело было найдено нетронутым, без малейшей раны, и одетое так, как его оставили. Можно было бы принять его скорее за спящего чело-

века, чем за мертвого»¹.

Со времени этого памятного события, любовь к природе и преданность науке имели много других жертв. Припомним некоторые из них и прежде всего расскажем трогательную историю шведского натуралиста Гассельквиста². Его учитель, Линней, как-то выразил сожаление, что естественная история Палестины мало исследована. Гассельквист, не смотря на свою болезненность, хилость и видимую неспособность к преодолению трудностей утомительного путешествия, тотчас же решил восполнить этот пробел в науке. Он употребил два года на приготовление к путешествию читая все лучшие сочинения о Леванте и в то же время изучая языки тех стран, посетить которые он был намерен. Его пламенное усердие снискало ему всеобщие симпатии. Жители Стокгольма и Готенберга сложились, чтобы снабдить его средствами. Он отплыл в Смирну и прибыл туда 26 ноября 1749. Юный натуралист провел в этом городе около года, непрерывно совершал экскурсии по Магнезии и Сипилу (Sipyle), проехал через Египет, посетил Розетту, Александрию и отправил в Упсальскую и Стокгольмскую Академии Наук множество мемуаров о своих открытиях и наблюдениях. Оба эти ученые общества избрали его в число своих членов. Он был кроме того избран в адъюнкты Упсальским медицинским факультетом, присудившим уже ему степень

---

¹ *Lettres de Pline le jeune, lettre 16.*

² Родился в Швеции, близ Линкепинга, в Тарневелле, 3 янв. 1722.

доктора. В марте 1751 г. Гассельквист покинул Каир и долго путешествовал по Палестине, где исследовал содомское яблоко, терновник Христа и произвел интересные наблюдения над саранчой. Упорный кашель, сопровождавшийся частыми геморроидальными припадками, заставлял его испытывать невыносимые страдания, благоразумие повелевало ему вернуться на родину но натуралист думал, что им еще мало сделано для науки. Не смотря на то, что он владел уже богатою коллекцией растений и бесчисленными образчиками естественной истории страны, он хотел побывать еще на Кипре и затем опять вернуться в Смирну для новой жатвы. Пожирательная энергия окончательно подкосила его слабый организм: Гассельквист умер на чужбине, вдали от близких, едва достигнув тридцати лет.³

Еще трогательнее история французского натуралиста Филибера Коммерсона⁴. Он блистательно учился в Монпелье и получил степень доктора в 1755. Наклонность к занятию естественными науками была в нем до того неудержима, что его отец, думавший сначала сделать из него чиновника, предоставил ему полную свободу в выборе занятий. После экзаменов юный Коммерсон посетил Севенские горы, Пиренеи, Швейцарию и изездил все побережье Средиземного моря. Он гербаризировал с таким страстным увлечением,

---

³ *Traites de l'Academie des Sciences de Stockholm*, 1758. Похвальное слово Гассельквисту.

⁴ Род. в Шатильоне-ле-Домб, 18 ноября 1727.

что если видел растение, которого не было в его гербарии, то доставал его за какую бы то ни было цену, рискуя даже жизнью. Однажды Коммерсон, как Авессалом, запутался волосами в ветвях дерева и так повис освободиться из этого положения он мог, только упавши в реку, где чуть не утонул. В другой раз ему удалось избежать водопада, скатившись в пропасть.

Этот неутомимый путешественник тем не менее любил семью и домашний очаг в 1760 году он женился на молодой девушке дю-Шаролэ. «Знайте, – писал он одному другу, – что, начавши в первый раз собирать растения в этой стране, я нашел там некоторый чувствительный цветок и хочу его поместить не в гербарий, а в брачную комнату». Через два года у него был сын, рождение которого стоило жизни матери.

Коммерсон не замедлил стать знаменитостью. Великий Линней предложил молодому естествоиспытателю описать для шведской королевы самые любопытные экземпляры рыб Средиземного моря. Коммерсон отвечал тем, что сделал одну из важнейших ихтиологических работ XVIII века. Он основал в Монпелье великолепный ботанический сад, познакомился с Лаландом и, сделавшись его другом, вскоре затем принял предложенное ему место натуралиста в кругосветной экспедиции, начальником которой был Бугенвилль.

В ту самую минуту, когда Филибер Коммерсон собирался уезжать, молодой слуга, Баре, по прозвищу Боннфуа (чисто-сердечный), неотлучно бывший при нем в течении двух лет и

несколько ознакомившийся с растениями и гербариями, стал умолять его взять его с собой. Коммерсон долго колебался, но наконец, согласился. Год спустя, на Таити, Баре-Боннфуа, пользовавшийся не смотря на свою сдержанность, общей любовью на корабле, встретился с туземцами, которые вдруг закричали: «Это женщина!» Баре-Боннфуа убежал, но случившееся, дошло до ушей Бугенвилля и тогда слуга или, вернее, служанка Коммерсона принуждена была сказать истину:

– Я знала, – оправдывалась она, – каким опасностям я подвергала себя, но я – сирота и полюбила науку.

Баре-Боннфуа осталась верным слугою. Ее простили. Она продолжала исполнять обязанности ассистента при Коммерсоне, который выказал уважение к ней, посвятивши ей новое растение под именем баретии: «Образ Дианы колчаноносицы, – говорил он о ней, – и мудрой и строгой Минервы!»

В Рио-де-Жанейро, в Буэнос-Айресе Коммерсон собрал настоящие богатства. После двадцати одномесячного плавания, проехавши десять тысяч льё со времени своего выезда из Рошфора, он прибыл на Иль-де-Франс, где его удержал известный интендант колонии Пуавр. Французское правительство поручило натуралисту продолжать работы на Мадагаскаре. «Какая удивительная страна! – писал он своему другу Лаланду, – она заслуживает внимания не одного странствующего наблюдателя, но целых академий».

Собравши богатую жатву растительных сокровищ на Мадагаскаре, Коммерсон в 1771 году вернулся на Иль-де-

Франс. Он стал приводить в порядок научный материал, собираясь во Францию, чтобы вкусить от плода своих трудов. Академия наук призывала труженика в свои недра, но утомление и чрезмерная деятельность разрушили его здоровье. В день своего избрания в члены Академии Коммерсон был уже мертв. Он умер за неделю до этого на Иль-де-Франсе, 21 марта 1773. За несколько месяцев он чувствовал приближение кончины. Следующие строки, взятые из последних писем его к своему шурину, звучат как эхо раздирающей скорби:

«Если я умру, то поручаю вам моего сына, а себя самого вашим молитвам... Прошу вас тысячу и тысячу раз, напишите мне что-нибудь о моем сиротке! Мне кажется, что его уносят от меня все дальше и дальше и что я стараюсь наслаждаться воспоминанием о нем в последний раз».

Коммерсон оставил после себя для того, чтобы оплакивать его, двух свидетелей своей агонии, двух друзей, двух прежних сотрудников, рисовальщика Жоссиньи и верную Баре-Боннфуа, доставившую в музей коллекции несчастного натуралиста.

«Коммерсон, – говорил Кювье, – был человек неутомимо деятельный и глубоко сведущий. Если бы он сам обнародовал свои наблюдения, то занял бы одно из первых мест в ряду натуралистов... Нельзя не скорбеть о той небрежности, с какой отнеслись к его коллекциям потому что если бы из них тотчас же извлекли пользу, Франция еще тогда бы ста-

ла страну, наиболее способствовавшей прогрессу естествознания. Работы Коммерсона необыкновенны. Удивительно, как один человек мог сделать так много в такое короткое время и в такой жаркой стране. Ничего не может быть труднее, как рассекать в тропических странах рыб, однако же Коммерсон отдавался этому занятию с беспримерной ревностью»⁵.

Мы не можем говорить о великих подвигах, на которые вдохновляют естественные науки, не остановившись на Викторе Жакмоне, этом неподражаемом уме, где грация и нежность соединились с мужеством, настойчивостью, любовью к знанию, этом молодом человеке, умершем всего на тридцать первом году, вдали от дома, к которому он был так привязан, вдали от родных, боготворивших его. Жакмон высидился в Калькутте 5 мая 1829 г. он хотел исследовать страну, составлявшую в то время для науки еще загадку. Три с половиною года путешествовал он по низменным равнинам Индии и по ее гористым местностям, затем прибыл в Кашмир и направил свой путь к долинам и высотам Гималайских гор. Кому неизвестна в настоящее время из писем Жакмона эта удивительная эпопея натуралиста Парижского Музея, который, получая годичного содержания всего шесть тысяч франков, вдруг очутился в вихре пышной жизни рас-

---

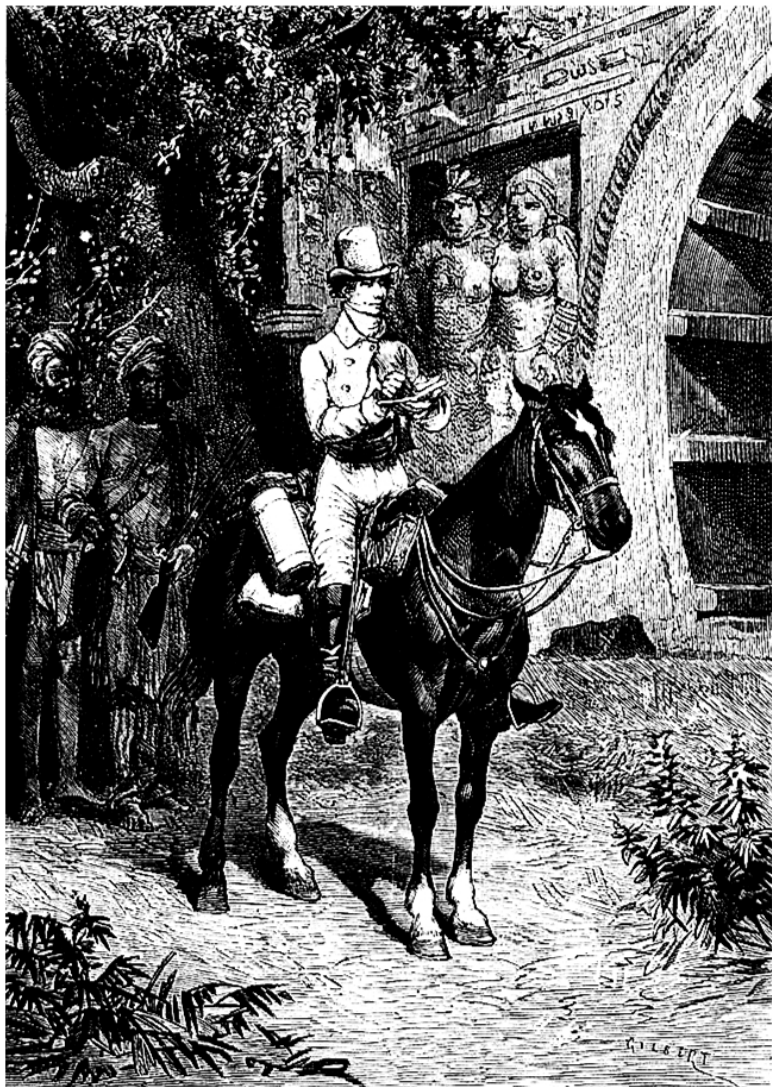
⁵ Lalande. *Eloge historique de Commerson dans les observations sur la physique et l'histoire naturelle*, par l'abbé; Rozier, 1755. – *Magasin pittoresque*, 1873. – Nonvele biographie de Firmin Didot.

точительных иностранцев, посещал дворцы государей порабощенной Индии и ухитрялся вести себя среди этой азиатской роскоши так, чтобы не ронять достоинства французского имени? Кто не читал рассказов, ставших бессмертными, благодаря его письмам, сцен, набросанных им прелестным слогом, где поражаешься одинаково блеском таланта и зрелостью ума?

Жакмон, не смотря на разнообразие своих путевых впечатлений, никогда не терял из виду интересов науки. Утомление и неприятности странствования не приводили его в отчаяние. Труд и цель принятой им на себя миссии были его путеводными звездами. Часть путешествия Жакмон сделал верхом, сопровождаемый двумя спагами, которые составляли его конвой, причем он останавливался по временам, чтобы занести в памятную книжку какие-нибудь заметки и привести в порядок бумаги своего дневника. Было время, когда упрекали Жакмона за то, что он мало делает для науки, но с его памяти скоро было свято это несправедливое обвинение. Действительно, в груди собранного им материала, как писал натуралист своему отцу, «было над чем поработать». Но судьба не позволила Жакмону воспользоваться плодами своих долгих усилий; в течение более чем двух лет он болел страшной болезнью, которая свела его, наконец, в могилу⁶.

---

⁶ Д-р Журдане собрал об этом предмете чрезвычайно интересные документы, в своем прекрасном сочинении: *La pression de l'air*, 2 vol. in-8, G. Masson, 1875.

Виктор Жакмон

Виктор Жакмон умер в Бомбее после неслыханных страданий, вызывающих в нас удивление в виду стоицизма, с каким он переносил эти муки. Спокойная твердость не покинула его даже в предсмертный час. Он нашел в себе еще силы написать письмо своему нежно любимому брату Порфиру:.. «Конец мой, – если только это конец, – тих и спокоен. Если бы ты был здесь, сидел вот тут, на моей постели, с отцом и Фредериком, душа моя разбилась бы, и на приближение смерти я не смотрел бы с такою покорностью судьбе и безмятежностью. Утешься, утешь отца утешьте друг друга, милые мои. Но я окончательно ослабел от усилия написать что-нибудь. Пора сказать вам – прощайте! Прощайте! О, как любил вас бедный ваш Виктор! Прощайте навсегда!»

Смерть положила предел тоске Жакмона. Глаза этого путешественника, которого можно назвать мучеником долга, закрылись навеки.

Чтоб привести образчики жертв из области других наук, укажем еще на жизнь астронома Шапп-д’Отероша, столь деятельную, богатую и прерванную таким роковым образом.

Аббат Жан Шапп д’Отерош⁷, один из самых молодых членов Академии Наук был командирован ею в Сибирь, для наблюдения из Тобольска за прохождением Венеры 6 июня 1761 года. Он покинул Париж в конце 1760 года и без вся-

---

⁷ Род. в Мориаке (Овернь), в 1722.

ких затруднений прибыл в С. – Петербург. Но вторая половина его путешествия от русской столицы до Тобольска была значительно тяжелее. В двенадцать дней астроном должен был сделать в санях три тысячи верст, посреди всевозможного рода препятствий. Перевозка инструментов была для него источником тысячи затруднений и постоянных опасений. Благодаря своей энергии и неутомимости, он, однако вовремя достиг места, откуда ему следовало, произвести свои наблюдения. 5 июня солнце весь день было покрыто толстым слоем облаков. Ночью облака не рассеялись. Аббат Шапп находился в смертельном страхе. «Этот феномен, говорил он, которого ожидали целое столетие, привлекал на себя страстное внимание всех астрономов... Вернуться в Париж, не достигши цели моего путешествия, лишиться плода всех избегнутых мною опасностей, трудностей, с которыми я боролся только в надежде на успех, лишиться его, благодаря какому-то облаку в тот самый момент, когда все мне ручалось за благополучный исход, – это такое положение, о котором невозможно дать понятия на словах».

На заре облака ушли. Шапп не мог видеть только начала явления. Но он сделал наблюдение над всеми его остальными фазами.

Путешествуя, астроном смотрел не на одни только звезды. Через шесть лет после своего возвращения во Францию, он издал книгу о своих приключениях, снабженную, между прочим, очень любопытными разоблачениями внутренней

жизни азиатской России... Императрица России, отмстила ему тем, что выступила сама в качестве автора. Северная Семирамида напечатала в Амстердаме книгу на французском языке под заглавием: *«Противоядие или разбор скверной книжки, великолепно напечатанной и названной: Путешествие по Сибири в 1761, совершенное Шаппом д'Отерошем»*. Достаточно одного заглавия, чтоб понять, в каком духе написана эта книга... Приводим из нее одно место.

«Его обсерватория, – говорит государыня о Шаппе, – была расположена в четверти мили от города. Он пригласил в нее весь город и все предместья. И действительно, явилось столько народа, что надо приписать чуду, если наблюдение окажется безошибочным. Потому что все время, пока оно продолжалось, аббат не только наблюдал, но и кричал на отметчика, рассуждал с присутствующими, отвечал на вопросы, которые ему предлагали, шутил, строил куры дамам и спорил с г. Павловским об Апокалипсисе и конце мира».

Великая Екатерина была неправа. Можно упрекнуть аббата Шаппа за то, что его наблюдения не абсолютно точны, но нельзя отрицать, что этот астроном ревностно способствовал преуспеянию науки, которой он отдал свою жизнь.

В 1769 году явление, наблюдавшееся Шаппом в Сибири, должно было повториться и могло быть видимо на этот раз в Калифорнии. Шапп д'Отерош, в котором страстная любовь к науке еще не потухла, снова решил подвергнуть себя всем бедствиям пребывания в стране почти неизвестной и дикой,

какую она была в ту эпоху. Калифорния принадлежала тогда Испании. Шапп д'Отерош выехал из Кадикса 18-го сентября 1768, в сопровождении двух офицеров Карла III. Переезд через океан продолжался 77 дней. После страшного утомления, астроному, подавленному физическими страданиями, удалось однако установить свои инструменты и приступить к наблюдениям. 6 июня 1769 г. небо было замечательно чисто и ни одна фаза прохождения планеты не осталась незамеченной.

Таким образом Шапп д'Отерош еще раз успел совершить возложенную на него миссию, но в Калифорнии свирепствовала тогда горячечная эпидемия, и он заболел. Выдержав горячку и не совсем еще оправившись, самоотверженный исследователь захотел во что бы то ни стало наблюдать затмение 18 июня. Несмотря на слабость, он целую ночь астрономировал небо. На следующий день горячка возвратилась, Шапп слег в гамак и умер, исчисляя фазы виденного им затмения. Бумага, на которой он чертил цифры, выпала у него из рук. «Я знаю, что мне остается жить только несколько часов, – сказал аббат перед этим, – но я умираю довольный, что выполнил свой долг»⁸.

Реформатор, стремящийся просветить человечество, разрушить бесполезные предрассудки, раздвинуть границы ума, и бросить в него семена новых идей, встретит препят-

---

⁸ *Mmeoires de l'Academie de Paris, 1769; loge de Chappe d'Auteroche, par Grandjean de Fouchy.*

ствия другого рода, но они не будут страшнее вышеописанных. Ревность, зависть, ненависть с остервенением накинута на него, изворотливое невежество беспрестанно будет его преследовать. Галилея гонят, Палисси заключают в тюрьму, Рамуса убивают в мрачную Варфоломеевскую ночь, Этьен Доле погибает в пламени костра, зажженного инквизицией. К несчастью, большинство из этих гениев, начиная с Сократа, выпившего яд, отдаются преждевременно осуществлению своих идеалов и, по удачному выражению Казимира Делавиня, оказываются виновными, потому что чересчур рано стали правыми.

Физик и химик, вопрошающие природу путем опыта, знакомы еще с другими опасностями. Работы, предпринимаемые ими, подвергают их иногда действию изучаемых элементов, или сил, которые они употребляют при экспериментах.

6 Августа 1753 года ученый секретарь Санкт-Петербургской Академии Наук, Рихман, желая сделать наблюдение над электричеством облаков, подошел к металлическому пруту, который был проведен в его рабочем кабинете и выходил наружу, поднимаясь своим острием над кровлей.

При нем находился художник Соколов, принимавший участие в опыте с целью облегчить его описание посредством рисунка. Погода была бурная. Темные грозовые облака носились в воздухе. Рихман поднес к металлическому пруту род электроскопа. Вдруг оттуда выскочил огненный шар голубого цвета, величиною с кулак, и поразил несчастного профес-

сора. Соколов тоже упал, но мало по малу пришел в себя.
Рихман был мертв.

Молния ударила его в голову, прошла через все тело и вышла из левой ступни. Несколько капель крови выступили из раны, открывшейся на лбу Рихмана, на левой ноге находилось голубое пятнышко в том месте, где сожженный башмак был продырявлен. Кафтан Соколова оказался покрытым темными полосками, как будто бы к нему прикладывали раскаленную железную проволоку⁹.

30-го Декабря 1840 г. Герви, молодой лаборант химии в фармацевтической школе, работал над сгущением углекислого газа, употребляя для этого аппарат Тилорье. Все, казалось, шло хорошо, как вдруг раздался страшный взрыв, вследствие недостаточного сопротивления металлических стенок внутреннему давлению газа аппарат разлетелся в дребезги, оторвав у Герви обе ноги. Три дня спустя, Герви умер.

Человек, предлагающий обществу какое-нибудь механическое изобретение, которое может стать новым орудием цивилизации, встречается с целой армией рутинеров; слепые рабы, они восстают против того, что может дать им свободу. Денис Папин видит, как его паровое судно разбивают рейнские лодочники. Жакар навлекает на себя гнев лионских рабочих, но не одна чернь вооружается против таланта: люди просвещенные, даже самые сильные умы увлекаются иногда этим потоком реакции и отрицают полезность того или дру-

---

⁹ *Histoire de l'Academie des sciences*, 1753.

того нового изобретения.

Фултон предлагает Директории ввести в употребление торпеды, но его не слушают. Однако, по приказанию Первого Консула, Вольней, Лаплас и Монж образовали комиссию для рассмотрения предложения Фултона, который изложил пред ними, в чем состоит его изобретение.

Были сделаны опыты в Бресте но, после нескольких неудовлетворительных попыток, Бонапарт навсегда лишил изобретателя своей протекции.

Позднее Араго совершил такую же ошибку как и Наполеон: знаменитый астроном отрицал железные дороги. В более недавнее время Бабине не боялся утверждать, что проект погружения электрического кабеля на дно океана – сумасшедшее предприятие.

Фултон объясняет комиссии свой проект относительно

употребления торпед

Обязанности профессионального долга точно также не обходятся без жертв: врач во время эпидемий, минер в недрах земли умеют умирать...

Зрелище всех этих мучеников прогресса, этих воинов, страдающих и гибнущих за благородное дело, трогает нас и вызывает наше сочувствие, но оно не должно лишать нас мужества. Когда отечество в опасности, кто из нас станет колебаться перед вопросом, взяться ему за оружие или нет, под тем предлогом, что его страшит смерть предков, некогда павших на полях битв? Героизм наших дедов не действует на нас угнетающим образом напротив, он воодушевляет, служа для нас примером...

То же должно иметь место и в области науки: тот был бы нравственный преступник, кто отказался бы открыть руку из страха выпустить заключенные в ней истины, тот был бы трус, кто отступил бы перед тяжестью труда и долга, потому только что его предшественники, раньше подвизавшиеся на этом поприще, испытали неудачи.

Жизнь великих работников науки должна возбуждать в нас стремление к труду, являя нам примеры настойчивости, неослабной энергии, что составляет тайну успеха, иногда тайну гения; во всех случаях труд – неисчерпаемый источник силы и утешения.

«Изучая что-нибудь, – сказал Огюстен Тьерри, – пережи-

ваешь тяжелые времена, не чувствуя их гнета, делаешься сам господином своей судьбы, направляя свою жизнь к благородной цели. Будучи слеп и страдая почти непрерывно без всякой надежды на облегчение, я это могу сказать по праву и меня не заподозрят во лжи; существует нечто лучшее, чем материальные наслаждения, чем богатство, чем само здоровье, это – любовь к науке»¹⁰.

Другое соображение также должно нам дать поддержку. Между причинами, порождающими мучеников науки, есть такие, которые уже исчезли в новом обществе: они берут начало не в стихиях, а в самом человеке, в его предрассудках, в его невежестве. Гонения, имевшие столько жертв в прошлом, перестали угрожать тому, кто вводит что-нибудь новое, никто их не знает в настоящее время. Мы можем еще видеть Ливингстонов, изнемогающих от изнурительных болезней на театре своих исследований, но не увидим уже больше Христофоров Колумбов, заковываемых в цепи ненавистью и криводушием. Нельзя не вспомнить с удовольствием следующих утешительных слов Бернардена де Сен-Пьера: «наши предки жили в железном веке, век золотой перед нами».

Два столетия тому назад Рике¹¹, прорывший во Франции Южный канал, соединяющий Атлантический океан с Средиземным морем, умер в нищете. Это громадное предприятие до сих пор еще вызывает всеобщее удивление. «Рике, – гово-

---

¹⁰ *Dix ans d'études historiques*. 1856.

¹¹ Родился в Безьере в 1604. Умер в Тулузе в 1680.

рит Дагессо, – вооруженный, вместо всяких инструментов, плохим железным компасом, отдал свою жизнь этой работе, жизнь гения, руководимого настойчивостью и верою»¹². Он умер от утомления, в момент, когда канал был готов к открытию. Гигантское сооружение стоило не менее 17 миллионов ливров. Рике убил на него весь свой капитал и оставил более двух миллионов долгов. «Мое предприятие, – писал он Кольберу в 1667 году, – самое дорогое из моих детей в нем я вижу славу, вижу, что оно вам нравится, но я не вижу в нем пользы для себя. Я завещаю своим детям почетное имя, но не оставлю им денег».

Зрелище человека, умирающего бедняком в то время, когда он обогатил страну, очень печально: но в наш век оно уже больше не встречается. Фердинанды Лессепсы, созидателю гению которых мир обязан великими работами, Дарвины, открывающие уму новые перспективы, не бедствуют в XIX столетии, их не преследуют: избранные люди, трудящиеся таким образом во славу своей родины и на благо человечества, живут окруженные почтением и удивлением своих сограждан.

---

¹² Рике встретил, роя Южный канал, враждебное отношение со всех сторон. Замечательная вещь, оппозиция главным образом шла со стороны южных городов, которые больше всего должны были воспользоваться результатами осуществления великого предприятия. Это потому, что частный интерес заставлял забывать общий. Когда был поднят вопрос об осушении болот Эг-Морт, то некоторые члены штатов Лангедока воспротивились этой работе. Они боялись, что раз болота превратятся в пахотные земли, их хлеб упадет в цене. Кольбер умел, однако, не обращать внимания на эти эгоистические и скряжнические соображения.

Только в прошлом, видим мы, как борются среди опасностей, препятствий и гонений эти славные мученики прогресса, вызывая в нас удивление и возбуждая нашу энергию.

Философ не даром сказал: «прекраснее природы, прекраснее искусства, прекраснее науки, – человек, оказывающийся сильнее бедствий».

Наконец, не забудем, что, по изречению Биаса, одного из семи греческих мудрецов, «самый несчастный человек тот, кто не умеет выносить несчастий».

Глава вторая

Завоевание земного шара

Человек смотрит на землю, как бы она далеко не простиралась, как на свою неотъемлемую собственность, как на поприще своей физической и интеллектуальной деятельности.
Вильгельм Гумбольдт

Колумб, на склоне своих дней, писал кастильскому королю: «Я начал плавать с юношеского возраста и продолжал бороздить моря до последнего времени; это – искусство, которое должны знать все, желающие проникнуть в тайны мира».

Великий Генуэзец говорил правду. Тайны нашего мира, научные истины открываются путем исследования природы. Поэтому первое место среди людей, наиболее достойных воспоминания, мы должны отвести тем избранникам, которые посвятили свою жизнь завоеванию земного шара.

Потрясающий пример представляет нам сам Колумб, этот удивительный человек, который ценою упорной борьбы с превратностями судьбы и предрассудками современников, приобрел для человечества половину нашей планеты.

Христофор Колумб был сын прядильщика и родился в Генуе в 1436 году. Вместе с двумя братьями Варфоломеем

и Иаковом он получил на родине хорошее образование и с четырнадцати лет стал учиться мореплаванию. Совершив экспедицию в Тунис, будущий новатор в 1477 году посетил Исландию. Перед этим он несколько лет жил в Лиссабоне, где женился на Фелипе Монис де Палестрелло, дочери одного искусного моряка. Едва ли какая-нибудь другая страна казалась ему более привлекательной, потому что Португалия уже целое столетие изумляла мир географическими открытиями. В его голове зрели великие планы. Он стал прилежно изучать пути, вновь проложенные моряками, и вскоре Колумба осенила мысль совершить предприятие, которое должно было обессмертить его имя. Его целью не было, как ошибочно утверждали, открытие Нового Света. Он хотел найти путь в Индию чрез Атлантический океан, отыскать, как он сам выражался, «восток посредством запада».

Этот проект, нужно заметить, не был новостью и занимал раньше многие умы: ученый Тосканелли и другие уже думали о нем. Но Колумб посвятил себя всецело его осуществлению – он сделал из него цель своей жизни.

Христофор Колумб был беден, а его дело требовало колоссальных затрат. Он обращался к своему отечеству, тщетно прося у города Генуи средств на путешествие, и, наконец, представил свой проект португальскому королю Иоанну II, который передал его на рассмотрение двух знаменитых космографов. Эти ученые нашли, что идея мореплвателя нелепа и вздорна. Тем не менее король не разделил их взгляда

и, на мгновение, поддался влиянию одного умного и образованного человека, Петра Норонья, понимавшего, что, «для возрастания богатства Португалии, нужно перерезать морские пространства и открыть путь, который позволит ей покорить множество различных народов»¹³.

Но Иоанн II, слабодушный и не имевший воли, скоро склонился на сторону врагов Колумба при этом он не только отвергнул предложение великого географа, но не побоялся поступить с ним еще самым низким образом. Этот бесчестный король завязал с Колумбом сношения, потребовал у него его карты, планы, приказал ему изложить в присутствии своего совета теоретическую сторону дела и, овладев-ши его тайнами, снарядил небольшое судно, долженствовавшее переплыть Атлантический океан в направлении, указанном Колумбом, и вырвать таким образом у этого человека плод его гения.

Но судно, после четырехдневного плавания по направлению к западу, постыдно возвратилось в порт, потому что шкипера испугались бури.

Христофор Колумб решился покинуть страну, о которой у него могли сохраниться только воспоминания, полные горечи. Он вторично отправился в Геную и возобновил свои предложения, но опять без успеха. Однако, ничто не ослабляло его мужества. После стольких неприятностей, Колумб был еще доведен до необходимости стучаться в дверь за по-

---

¹³ *La Clede, Histoire du Portugal.*

даянием, и он это делал, гордо подняв голову, как человек, который выпрашивает для всего человечества возможность открыть Новый свет.

Великий путешественник впал в крайнюю бедность и ходил в лохмотьях к довершению несчастья, он потерял жену и должен был заботиться о своем одиннадцатилетнем сыне. Однажды Колумб блуждал в окрестностях города Палос де Могес в Андалузии. Случайно он очутился у ворот францисканского монастыря, постучался и попросил немного воды и хлеба. Настоятель монастыря Хуан Перец де Марчена принял иностранца, спросил у него, пораженный благородством его осанки, кто он такой, и пришел в крайнее удивление, когда Колумб рассказал ему свою историю, изложил свои проекты, поделился с ним своими надеждами.

Гостеприимство настоятеля уступило место искренней дружбе Колумб, благодаря этому могущественному покровителю, мог быть принят при испанском дворе и, получить аудиенцию у короля Фердинанда и королевы Изабеллы.

Христофор Колумб отправился в Кордову, где находился король, поглощенный борьбою с маврами. После тщетных ожиданий, длившихся целые месяцы, он, наконец, добился того, что был представлен Фердинанду и Изабелле. Великий человек держал себя скромно, но не робея и не чувствуя неловкости: он смотрел на себя как на «орудие, избранное небом для исполнения его великих предназначений»¹⁴.

---

¹⁴ Письмо Колумба к Фердинанду и Изабелле, 1501.

Фердинанд увидел в широком проекте Колумба средство затмить морскую славу Португалии, но, прежде чем придти к окончательному решению, он пожелал выслушать компетентных судей.

По приказанию испанского государя, собрался совет в Саламанке, чтобы рассмотреть предложение Колумба. Этот совет был составлен из ученых монахов и церковных сановников, людей, предубежденных против того, кто осмеливался учить их. Они с презрением слушали авантюриста.

Христофору Колумбу пришлось возражать не против научных доказательств, а против текстов библии, или против таких замечаний, которыми отрицалась теория антиподов, как несогласимая с верой. Ему говорили, что если существуют по ту сторону океанов населенные земли, то значит не все люди происходят от Адама, так как прежде они не могли же переплывать морей что, по Новому Завету, земля плоска и подобна огромному диску, что если бы земля была шарообразна, то под тропиками нельзя было бы жить, вследствие чрезмерно высокой температуры этих стран и т. д., и т. д. Таким образом, в конце концов, Христофор Колумб, доведенный до нищеты, увидел еще, что к нему относятся, как к сумасшедшему и готовы его предать анафеме.

Не теряя мужества, будущий завоеватель Нового Света послал письмо королю английскому, потом опять, в мае 1489 года обратился к Фердинанду и Изабелле, которые приехали в Кордову после похода против Малаги. Был поднят вопрос

о возобновлении обсуждения его проекта, но прошли годы и вопрос оставался не решенным. Наконец, зимою 1491 года Саламанкский совет, созванный королем, нашел, что «проект Христофора Колумба суетен и невозможен, и не подобает великим государям заниматься предприятиями подобного рода, основываясь на столь слабых соображениях, как те, которые были представлены совету»¹⁵.

Мы не станем рассказывать о новых попытках неутомимого исследователя, мы также ничего не скажем о его решении обратиться к французскому королю Карлу VIII, а перейдем прямо к тому моменту, когда его настойчивость и упорство увенчались успехом. В феврале 1492 года Христофор Колумб, благодаря покровительству Людовика Сен-Анжела, сборщика податей в пользу арагонского духовенства, который был одним из самых убежденных сторонников его взглядов, получил новую аудиенцию у королевы Изабеллы. Друзья, сопровождавшие Колумба, защищали его дело с таким жаром и так убежденно, что королева склонилась на его сторону и обещала взять на себя заботу о его предприятии.

Колумб, после двадцатилетних стараний, получил, наконец, возможность выйти в открытый океан, с званием адмирала и с гарантированной надеждою стать вице-королем или правителем всех стран и континентов, которые ему удастся открыть. Было приказано властям порта Палос снарядить три каравеллы и снабдить их мужественными моряка-

---

¹⁵ Washington Irving, *A History of the life and voyages of Columbus*. Londres 1828.

ми, долженствовавшими во всем повиноваться своему начальнику. Эти корабли, насколько мы можем судить по дошедшим до нас современным гравюрам, были приподняты у кормы и у носа и, за исключением адмиральской, не имели палуб. Делается страшно при мысли о подобной экспедиции, предпринятой с такими ничтожными средствами и вышедшей навстречу неизвестности. Невольно испытываешь волнение, думая, что в пятьдесят шесть лет, когда другие заканчивают свою карьеру, Колумб только положил начало своей деятельности и что, открывши полушарие антиподов, он начал новую эру в истории человечества.

Колумб покинул порт Палос 3 августа 1492 года. После упорной битвы с людским невежеством, он должен был еще бороться с суеверием своих матросов, с их ужасом перед беспредельностью океана или растительными мелями Саргассова моря. В то же время ему приходилось побеждать бури и торжествовать над бесчисленными трудностями неведомого пути.

12 октября 1492 года, после семидесятидневного плавания, Колумб в первый раз увидел землю, которую он принял за берег Индии. Это был остров. Он назвал его Сан-Сальвадором¹⁶. Туземцы, совершенно голые, с радостью встретили адмирала и его экипаж. Колумб, одетый в богатый костюм, высадился на землю и овладел территорией именем короля и королевы Испании. Открыв после этого еще три других

---

¹⁶ Сан-Сальвадор составляет часть группы Багамских островов.

острова, великий мореплаватель 28-го октября посетил Кубу, и затем спустя месяц – Испаньолу (ныне Гаити). Там он построил форт Нативидад, в котором оставил коменданта и несколько человек гарнизона, после чего возвратился в Испанию.

Это путешествие навсегда останется славным, представляя собой одно из величайших усилий человечества, направленных к обладанию земного шара. Исполненное волею одного человека, оно продолжалось немного более семи месяцев.

Эффект, произведенный им, был колоссальный. На возвращение каравелл не рассчитывали; на отъезд моряков, принимавших участие в этой отважной экспедиции, смотрели с ужасом; океан, которому арабы дали название Сумрачного моря, не иначе представлялся умам тогдашних людей, как в виде безграничной бездны. Поэтому, как только разнесся слух, что Колумб вернулся и что он действительно открыл неизвестные страны, неописанный энтузиазм охватил всех. Когда адмирал показался в окрестностях Барселоны, где его ожидали король и королева, он был встречен кортежем грандов, сопровождавших его до городской черты. Оттуда шествие открылось шестью индейцами, привезенными Колумбом из Америки. Они были разрисованы различными красками и блистали золотыми национальными украшениями. За ними несли разного рода живых попугаев, птиц, чучела неизвестных животных и редкие растения, которым при-

писывались особенные качества народ с удивлением смотрел на золотые венцы, позволявшие заключать о богатстве новых стран. Колумб тоже участвовал в процессии он ехал верхом на прекрасной лошади, причем блестящая кавалькада испанских юношей служила ему свитой. Толпа теснилась на улицах. Окна и балконы были наполнены дамами, и даже крыши домов пестрели зрителями. Адмирала провели в обширную залу, где его ожидали король и королева, окруженные испанскими грандами.

Когда он вошел, Фердинанд и Изабелла встали. Он преклонил колени, чтобы поцеловать их руки и вслед за тем рассказал о своем путешествии. Его речь вызвала всеобщее волнение, сдержать которое едва могли внушаемые им почтение и удивление. Когда он кончил, королевская чета вместе со всеми присутствующими упала на колени и голоса всего собрания слились в торжественном пении *Te Deum*¹⁷.

Самые трезвые умы не могли не поддаться крайне странным иллюзиям: все говорили об открытии золотой страны, страны богатств и ослепительной роскоши, истинного рая на земле. Сам Колумб разделял общую веру в неистощимость сокровищ новых земель.

Он был на вершине своего благополучия, но счастье, которым он наслаждался в течении этих немногих дней, было единственное, выпавшее на его долю во всю его жизнь.

25-го сентября 1493 года Христофор Колумб предпри-

---

¹⁷ Washington Irving. *A history of the life and voyages of Columbus.*

нял второе путешествие; на этот раз под его непосредственным начальством было четырнадцать каравелл и три больших корабля. Множество дворян приняло участие в экспедиции, число членов которой простиралось по крайней мере до 1200 человек. Эта экспедиция окончилась открытием Гваделупы, Ямайки, исследованием острова Сан-Доминго и острова Кубы.

Колумб вернулся в Испанию в 1496 году. Он привез с собою 225 пассажиров и 30 индейцев. Вторичное возвращение его далеко не походило на первое. Испанцы, сопровождавшие адмирала, утомленные, разбитые нравственно, были возбуждены против него. Одушевленные сначала несбыточными надеждами, измученные потом болезнями и доведенные до плачевного состояния, они не переставали горько сетовать на того, кто показал им в перспективе огромные богатства. Куда девался этот очаровательный рай, эта обетованная земля сокровищ и роскоши? Вместо благополучия, путешественники встретили одни испытания. Они могли только рассказывать о своих битвах с островитянами, о своих лишениях и потерях. Напрасно Колумб старался воспламенить в них энтузиазм. Ярко горевший костер был засыпан пеплом, удивление сменилось презрением.

Тем не менее испанская королевская чета приняла адмирала с живейшим интересом, хотя и не без холодности. Когда он предложил снарядить третью экспедицию, то должен был заметить, что против него уже поднялись глухая вражда

и низкая зависть и начали нападать на него, подобно злым божествам героических времен.

30-го мая 1498 года этот человек, человек несравненной твердости характера и железной воли, которой ничто не могло сломить, становившийся еще более великим в несчастье, отплыл с шестью кораблями. На этот раз он открыл Тринидад, берег американского материка, исследовал залив Париа и занес на карту острова Зачатия и Успения. Но ему пришлось подавлять возмущения испанцев, бунт гарнизона, оставленного им на Сен-Доминго и, в отчаянии от бесчисленных неприятностей и непрерывных враждебных действий со стороны соотечественников, он послал в Испанию пять кораблей с донесениями, в которых излагал королю свои жалобы.

Вследствие придворных интриг, Фердинанд отправил в Сен-Доминго не чиновника и не судью, как того требовал Колумб, а палача, дон-Франциско де Бобадилла, снабженного грамотами, в которых он назначался правителем всех открытых земель. Ему была предоставлена неограниченная власть. Прибывши в Сан-Доминго, Бобадилла, в качестве полномочного хозяина, поселился в доме самого адмирала, предъявив Колумбу копию с грамоты, которой ему вверялось губернаторство затем, без всякого допроса и суда, он велел посадить адмирала в крепость, вместе с двумя его братьями, остававшимися в стране.

Колумб в цепях

Обязанность препроводить Колумба в Испанию Бобадилла возложил на одного офицера, по имени Алонзо де Виллехо. Великий мученик науки не сопротивлялся и не произнес ни одной жалобы. Гремя цепями, как преступники, Колумб и его братья взошли на каравеллу, которая вскоре затем отправилась в путь. Виллехо, сочувствуя завоевателю Нового Света, хотел снять с него цепи. Но адмирал не допустил его до этого. «Я сохраню их, сказал он, на память о награде, которую мне дали за мои заслуги¹⁸. Эти цепи, прибавляет Фердинанд Колумб, всегда висели в кабинете отца, и он завещал, чтобы после его смерти они были положены с ним в гроб»¹⁹.

Когда великий мореплаватель был привезен в Испанию, король и королева, которым, без сомнения, стало стыдно за поведение Бобадиллы, приказали возвратить пленникам свободу.

Колумбу все опротивело. «Я выдерживал всевозможные нападения, писал он, я сопротивлялся всему до сего дня, когда я не могу уже защищаться ни оружием, ни головой. С каким варварством пустили меня ко дну»²⁰. Однако, поддерживаемый религиозным чувством, столь характеристич-

---

¹⁸ Barth. Las Casas, *Hist. ind.*, manuscrit. I. 180.

¹⁹ Fernand Colomb. *Hist.* Cap. 86. – Ferd. Hoefler. *Nouvelle biographie generale*, de Firmin Didot – Edouard Charton. *Les Voyageurs anciens et modernes*.

²⁰ Письмо к кормилице принца дон Хуана. 1500.

ным для его века, который в последствии был одушевлен идеею освобождения святого Гроба, гениальный мореплаватель предпринял еще четвертое путешествие, которое, по его мнению, должно было несомненно обогатить Испанию.

Он отплыл из Кадикса 9 марта 1502 года, в сопровождении своего брата Варфоломея. Ему было тогда шестьдесят шесть лет. Он открыл остров Гуанола, обогнул Гондурас и Москиты, останавливался в Порто-Белло у Панамского перешейка, высаживался в Верагуасе и нашел там богатые золотые рудники, после чего пытался основать колонию на реке Белен. Но на колонистов напали туземцы и перебили большую их часть. Колумб, желая спасти оставшихся в живых, выдержал на пути страшную бурю и его утлые корабли чуть не разбились в щепки.

Такие жестокие испытания не могли не поколебать здоровья, уже подточенного летами и страданиями. Ему удалось однако освободить товарищей, и он направился к Испаньоле, чтоб починить там корабли, но здесь его ожидали бедствия еще более страшные, чем все вынесенные им до этого времени. Экспедицию встретили яростные ураганы: казалось, по словам Колумба, наступал конец мира... Противные течения увлекли адмиральский корабль, который, по видимому, должен был разбиться. Экипаж возмутился против своего начальника; к довершению несчастья, адмирал заболел и не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Если бы не энергия его брата, он, вероятно, был бы умерщвлен матросами. Тем

не менее, великий путешественник прибыл в Сен-Доминго и 7 ноября 1505 года отправился в Испанию. Ему было шестьдесят девять лет!

По возвращении, он узнал, что его «счастливая звезда», королева Изабелла, умерла. Призыв Колумба к королевскому правосудию остался без ответа. Тягостная болезнь поразила его страшными муками. Он скончался 20 ма 1506 года, воскликнув, подобно Христу: «Господи, в руке твои предаю дух мой!...»

Так умер этот мученик. Если современники стремились умалить его значение, то голос потомства заглушает их ропот ненависти и зависти. Оно приветствует великого мирного завоевателя, поднявшего завесу, за которой тысячи лет скрывалась половина земного шара и говорит устами Гумбольдта: «Колумб оказал услугу человечеству, открывши перед ним целый мир предметов, достойных размышления, прогресс человеческой мысли обязан ему многим... В начале новой эры, на той неопределенной границе, где смешиваются эпохи, возвышается эта величаявая личность, господствуя над веком, выдвинувшим ее и в свою очередь оживотворенным ею».

На Христофора Колумба можно смотреть, как на олицетворение XV века, эту единственную в своем роде историческую эпоху, этот изумительный век, когда все усилия направляются к одной определенной цели, когда Себастиан Кабот, Васко де Гама и другие многочисленные мореплаватели все

устремляются, как бы одушевленные одним и тем же честолюбивым чувством, на завоевание земного шара.

Раз был дан толчок, прогрессивное движение не останавливалось, иногда так или иначе ускоряемое, но все еще оплачиваемое бедствиями и несчастиями. Что, например, получил Фердинанд Кортес²¹ за огромные услуги, оказанные им отечеству? То же что и Христофор Колумб. Завоеватель Мексики подвергся преследованиям и был принужден вытерпеть позор несправедливого судебного процесса. Его славная карьера кончилась тем, что он целые шесть лет напрасно обивал пороги испанского королевского дворца. Вольтер рассказывает, что, не имея возможности даже получить аудиенции у Карла V, Кортес растолкал однажды толпу, которая окружала карету императора, и приблизился к нему. Карл спросил, кто он такой, на что Кортес ответил: «Я тот, кто подарил вам больше царств, чем ваши предки оставили вам городов».

---

²¹ Он положил основание испанскому владычеству в Америке. Род. в Меделине, в Испании, 1485.

Фердинанд Кортес

После открытия Америки, первый совершил путешествие вокруг света португалец Фердинанд Магеллан. Этому вели-

кому человеку было едва двадцать лет, когда Христофор Колумб ступил на почву Нового Света. Как справедливо было сказано, Магеллан «сделал очевидным для всех ту истину, которую Колумб искал в другом порядке вещей и идей».

Магеллан, принадлежавший к высшему португальскому дворянству, предпринял свою первую морскую экспедицию двадцати лет от роду; он направился к Индии и Африке. По возвращении в Португалию, на него посыпались несправедливые обвинения и король принял его очень немилостиво. Магеллан решил покинуть отечество и предложил услуги Кастилии, чтобы осуществить свои грандиозные замыслы. Карл V оказал ему покровительство, но чины колониальной администрации, отнеслись к нему враждебно. 22-го октября 1518 года, в то время, когда Магеллан работал над вооружением своего флота, против него поднялась чернь, которой шепнули, что де на борте его корабля прибит португальский герб рядом с кастильским, хотя, в сущности, там не было совсем португальского герба, а его собственный. Магеллана чуть не разорвали на клочки, так что во время свалки понадобилось обнажить шпаги.

Карл V сделал выговор колониальному ведомству и велел экспедиции отправляться в путь. Магеллан спешил отъездом, сознавая однако, что его предприятие начиналось при самых неблагоприятных признаках. Так, ему пришлось, подчиняясь воле короля, допустить в своем экипаже присутствие человека, власть которого почти равнялась его соб-

ственной. Этот человек был Хуан де Картагена, облеченный званием генерал-инспектора и командующего третьим кораблем флота. Хуан де Картагена, креатура одного могущественного прелата, ненавидел Магеллана. Великий мореплаватель кроме того должен был терпеть пребывание на борту еще другого, самого непримиримого своего врага Эстебана Гомеца. До прибытия в Испанию нового адмирала, этот Гомец рассчитывал на получение начальства над одною экспедициею, почти в такой же степени важною. Магеллан, собираясь плыть вокруг земного шара, был, таким образом, окружен не преданными друзьями и надежными сотрудниками, но соперниками, питавшими против него глухую ненависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.